

Посвящается Джорджу и Анне

Глава 1

Когда люди думают о гипнозе, они представляют качающийся маятник, «Вы засыпаете» и добровольцев, которые кудахчут на сцене, как куры. А потому не стоит удивляться, что многие клиенты весьма нервничают, когда приходят ко мне в первый раз! Но на самом деле в гипнозе нет ничего неестественного или пугающего. Скорее всего, в повседневной жизни вы уже сталкивались с состоянием, подобным трансу. Не доводилось ли вам ехать по привычному маршруту, а потом обнаруживать, что вы совершенно не помните, как добрались? Догадываетесь с чем это связано? Вы были в трансе!

Из брошюры Элен О'Фаррел «Введение в гипнотерапию»

Меня прежде никогда не гипнотизировали. Честно говоря, я даже не верила в гипноз. Предполагала просто лежать там и делать вид, что это на меня действует. И стараться не хихикать.

— Большинство людей потом удивляются, насколько им это понравилось, — сказала гипнотизер.

Она воплощала мягкость и чистоту, никакой косметики или драгоценностей. Кожа гладкая и прозрачная, будто ее обладательница только что искупалась в горном ручье. А пахло от нее так, как пахнет в весьма дорогих и изысканных магазинчиках, какие можно найти в провинциальных городках: сандалом и лавандой.

Все это происходило в крошечной теплой и странной комнате. Она была пристроена к зданию сбоку, подобно некоему закрытому балкону. На полу лежал старый поbledший ковер с рисунком из почти исчезнувших розовых роз. Зато окна были современные: стеклянные панели от пола до потолка, как в каком-нибудь атриуме. Комнату буквально заливало светом. Когда я вошла, свет, словно

живительный бриз, обрушился на меня, и я вдохнула запах старых книг и моря.

Мы стояли рядом — гипнотизер и я, — почти вплотную к окнам. Когда вы стоите так, то уже не видите песок внизу, а лишь море, бесконечную сияющую равнину, что тянется вплоть до бледно-голубой линии горизонта.

— Чувствую себя так, будто нахожусь у штурвала корабля, — сказала я гипнотизерше, которую явно привело в восторг мое замечание.

Она ответила, что и сама всегда чувствует именно это, и ее глаза стали большими и засверкали, как у ведущего на детском празднике.

Наконец мы сели друг напротив друга. Мне досталось мягкое кожаное кресло зеленого цвета с откидывающейся спинкой. Гипнотизерша устроилась в кресле в красно-кремовую полоску. Нас разделял низкий кофейный столик, на нем стояла коробка с бумажными носовыми платками, — должно быть, некоторые клиенты здесь плакали, рыдали о прошедшей жизни, как голодный крестьянин о куске хлеба насущного, — а еще кувшин с ледяной водой, на поверхности которой плавали два безупречно круглых ломтика лимона, два высоких стакана, маленькая серебряная чаша с крошечными шоколадками в обертках и плоский поднос, наполненный маленькими разноцветными стеклянными шариками.

Когда-то у меня тоже был стеклянный шар — большой, старомодный, — он сохранился со времен детства моего отца. Я всегда зажимала этот шарик в кулаке на удачу, сдавая экзамены или проходя собеседование для работы. Но несколько лет назад потеряла его, а вместе с ним и свое везение.

Я огляделась. Свет отражался от океана и падал на стены — призмы ослепительного сияния. Это уже завораживало. Гипнотизер сложила руки на коленях, ее ноги

ровно стояли на полу. Плоские балетки, черные лосины, вышитая блуза в этническом стиле и кремовый просторный кардиган. Хиппово, но элегантно. Весьма современно и в то же время с ноткой классики.

Мне подумалось, какую прекрасную, спокойную жизнь она ведет. Сидит каждый день в этой невероятной комнате, купаясь в танцующем свете. Никаких электронных писем, забивающих ваш компьютер. Никаких раздражающих телефонных звонков, забивающих вашу голову. Никаких срочных встреч или сводных ведомостей.

Я просто ощущала ее счастье. Оно истекло от гипнотизера, густое, как запах дешевых духов. Впрочем, та, очевидно, никогда не пользовалась дешевыми духами.

Во рту появился кислый вкус зависти. Я поспешила взять шоколадку, чтобы прогнать его.

— Ох, отлично. Я тоже съем одну, — сказала гипнотизерша с такой теплой дружелюбностью, как будто мы с ней были старыми приятельницами, и развернула обертку.

Наверное, у нее есть целая толпа добродушных, милых, готовых помочь подружек, которые обнимаются при встрече и по вечерам смотрят «Секс в большом городе». А еще подолгу весело болтают по телефону, обсуждая мужчин. Да, она именно из таких.

Гипнотизер открыла блокнот на колене и заговорила, не дожидаясь шоколадку:

— Ну, до того как мы чем-либо займемся, я хочу задать вам несколько вопросов. Ох, не следовало мне брать конфету с карамелью. Ее очень долго жевать...

Вопросов оказалось неожиданно много.

На большую их часть я ответила честно. Они были достаточно безобидными. Даже немножко трогательными. «Чем вы зарабатываете на жизнь?», «Как вы отдыхаете?», «Какая у вас любимая еда?».

Наконец гипнотизерша откинулась на спинку кресла, улыбнулась и произнесла:

— А теперь поведайте: почему вы сегодня здесь?

Конечно, мой ответ на этот вопрос и на сотую долю процента не был правдивым.

* * *

— Я должен кое-что тебе рассказать, — произнес он.

Потом положил нож и вилку на край своей тарелки, распрямился, расправил плечи, как будто приготовился расплатиться. Он выглядел немного испуганным и слегка пристыженным.

В желудке Элен мгновенно образовался болезненный ком. Часть ее сознания отметила, как первым отреагировало тело. Связь «тело — ум — дух» в действии. Как это захватывает!

Радостная, открытая улыбка нелепым образом застыла на ее лице.

Ей тридцать пять. Она прекрасно осознала, что это значит. Этот милый мужчина, работающий на себя геодезист, этот отец-одиночка, который любил отдых на лоне природы, и крикет, и музыку в стиле кантри, готовился вывалить на нее нечто такое, что заставит ее забыть о морском окуне под белым винным соусом. Он собирался произнести нечто такое, что погубит этот день. А день ведь выдался воистину чудесным, и морской окунь оказался невероятно вкусным.

Она с сожалением отложила вилку.

— И что же? — спросила с легкой усмешкой в голосе, хотя каждая мышца напряглась в ожидании удара.

Она справится. Это же не конец света, а всего лишь четвертое их свидание. Элен не особо пока доверяла ему. Да она едва знала его! В конце концов, он же любит музыку кантри! Она должна была насторожиться с самого

начала. Она, конечно, позволила себе легкие фантазии в ванне, но это же обычные бредни перед свиданием.

И вот она уже двигалась вперед, работая над своим восстановлением. Нужно быть в полном порядке к среде. В крайнем случае к четвергу. Слава богу, она не успела с ним переспать.

Элен не могла изменить того, что должно было вот-вот произойти, она могла только отреагировать на это.

На какое-то мгновение перед ней возникла ее мать с глазами, возведенными к небесам: «Элен, скажи, дорогая, ты действительно веришь во всю эту ерунду насчет самосовершенствования?»

Она действительно верила. Всем сердцем. Позже мать извинилась за свое замечание. «Наверное, это прозвучало уж слишком покровительственно», — сказала она, и Элен сделала вид, что от потрясения теряет сознание.

— Вообще-то... ты позволишь мне отлучиться на минутку? — Мужчина встал, и его салфетка соскользнула на пол. Он поднял ее, вспыхнув, и аккуратно положил на стол рядом со своей тарелкой. Элен посмотрела на него. — Я просто... — Он махнул рукой в глубину ресторана.

— Конечно. — Элен успокаивающе кивнула.

— В ту сторону, сэр, налево. — Официант сдержанным жестом указал направление к туалетным комнатам.

Она смотрела ему вслед.

Патрик Скотт.

Вообще-то, ей никоим образом не нравилось имя Патрик. Слишком слащавое. Вы могли бы без труда представить, что Патриком зовут вашего парикмахера. К тому же его приятели-мужчины, скорее всего, называли его Скотти. Ну, это и в самом деле идеально подходит для простого австралийского парня.

Если он решил со всем покончить, то определенно будет больно. Всего лишь укол, но чем-то очень острым.

Но ведь в Патрике Скотте нет ничего выдающегося. У него обычное приятное лицо — вытянутое, худощавое, со слегка редующими надо лбом волосами. Обычное телосложение — среднего роста, с довольно широкими плечами, но ничего сверхъестественного в их ширине не было, они не выглядели так, словно Патрик специально над ними работал. Самая обычная работа, самая обычная жизнь. Необычно лишь то, как хорошо она себя чувствовала рядом с ним, причем это ощущение родилось почти сразу, буквально через несколько минут после их знакомства, когда они очутились в пустом до неловкости кафе. Это кафе предложила Элен и пришла в ужас, обнаружив, что в нем практически никого нет, так что их нервные голоса — оба волновались на первом свидании — звучали как будто слишком громко. А три скучающие юные официантки стояли в другом конце зала, не найдя себе занятия получше, чем подслушивать их банальный разговор. В ожидании капучино Скотт вертел пакетик с сахаром, очерчивая им круги и постукивая по столешнице, и тут их глаза встретились, и они оба неловко усмехнулись, осознав весь ужас ситуации. И вдруг Элен почувствовала, как ее тело избавилось от напряжения, будто ей дали мощное успокоительное. Ей показалось, что она уже знакома с этим человеком, что она знает его много-много лет. Если бы она верила в перерождение — а она не то чтобы совсем в него не верила, ведь на своей работе повидала всякое и ее сознание было открыто для самых невероятных возможностей, — то она бы сказала, что они действительно должны были когда-то друг друга знать.

Такая мгновенная вспышка тепла была ей знакома по общению с другими женщинами — о, она была суперзвездой в налаживании отношений с женщинами, — но никогда такого не происходило при встрече с мужчиной.

Так что — да, она действительно едва знала этого геодезиста по имени Патрик Скотт, но ей было бы больно, если бы он с ней порвал. Пожалуй, это было бы хуже, чем просто какой-то легкий укол.

Элен подумала о сотнях, а может быть, и о тысячах историй расставаний, которые она слышала от своих клиентов за многие годы. «Я приготовила ужин из трех блюд для тринадцати его родственников, а когда уже мыла посуду, он вдруг заявил мне, что больше меня не любит!» «Мы провели потрясающий отпуск на Фиджи, и когда возвращались домой и пили шампанское, она вдруг мне заявляет, что съезжает от меня! Под шампанское! Как будто это праздник какой-то!»

Ох, эта неприкрытая боль, которая продолжала искажать их лица, даже если они описывали то, что произошло много лет назад! Уход любимого или пусть даже только возможного любимого был слишком труден для Внутреннего Ребенка. Страх оказаться брошенным, воспоминания о давней боли, ощущение неполноценности и отвращение к себе — все всплывает на поверхность в непрерывной муке чувств.

Элен пыталась наблюдать за собственной ситуацией объективно, как за историей какого-нибудь клиента, в надежде, что сможет отстраниться от нее. Но это не помогло.

Конечно, вся эта паника могла возникнуть и на пустом месте. Патрик, возможно, вообще не думал о расставании. Ведь не было никаких признаков, а уж она-то умела «читать» людей. В конце концов, Элен именно этим зарабатывала на жизнь. Сегодня вечером Патрик с порога заявил, что она выглядит потрясающе, и на его лице было написано искреннее наслаждение, словно ему только что преподнесли подарок. А ведь он не принадлежал к тем лощеным обаятельным типам, которые маши-

нально произносят именно те комплименты, которые хочется слышать женщинам. И во время ужина их глаза то и дело встречались, и эти взгляды можно охарактеризовать как долгие. За ужином Элен отмечала, как Патрик склоняется в ее сторону. Хотя, возможно, он просто неважно слышал — удивительно, какое множество мужчин на самом деле слегка глуховаты. Элен это знала и по опыту прошлых свиданий, и по своей работе.

В то же время Элен чувствовала, что их тела говорят на одном языке, что они дышат в одном ритме, и не потому, что она копировала его движения. Во всяком случае, не намеренно, как это бывало с клиентами.

В разговоре не возникало неловких пауз или затруднительных моментов. Патрик интересовался, в весьма уважительной форме, гипнотерапией. Не говорил: «А ну-ка, покажи мне! Заставь меня кудахтать, как курица!» Он не насмехался или, еще хуже того, не переходил на вежливоснисходительный тон, чтобы сказать, что, вообще-то, не верит в альтернативную медицину. Не говорил: «Значит, ты постоянно нуждаешься в тренировке?» или «А что, это действительно приносит деньги?». И он не выглядел испуганным. Некоторые из мужчин, с которыми она встречалась, явно по-настоящему боялись, что она может их загипнотизировать без их ведома. Но ему как будто было просто интересно.

И еще, всего несколько минут назад он показал ей фотографии своего сына! Его прелестного светловолосого тощего восьмилетнего мальчишки на скейтборде, и с тромбонем в руках — в школьном оркестре, и на рыбалке вместе с отцом. Уж конечно, Патрик не стал бы показывать снимки, если бы решил, что пора разрывать отношения.

Если только решение пришло к нему спонтанно. Теперь, когда Элен думала об этом, то понимала, что все

выглядело до странности внезапным — то, как Патрик вдруг положил на стол вилку и нож, чтобы сделать некое сообщение, и его взгляд устремился куда-то за ее плечо, словно он увидел вдаль картинку совсем другого будущего. Элен просто замерла, не закончив фразу. Она как раз рассказывала ему историю одного пациента, одержимого Дженнифер Лопес. Хотя на самом деле это был Джон Траволта, но Элен всегда изменяла детали из соображений конфиденциальности. К тому же с участием Дженнифер Лопес история выглядела более забавной.

Патрик казался таким грустным. И если даже не собирался порвать с Элен, то явно держал на уме нечто неприемлемое или неприятное.

Возможно, Патрик лгал о том, что овдовел: на самом деле он до сих пор мог быть женат и жить с женой, пусть даже они и спали в разных комнатах.

Или никакой он не геодезист, а самый настоящий гангстер. И теперь к ней явятся агенты ФБР и потребуют, чтобы она нацепила на себя микрофон. А потом ее тело так и не будет найдено. Прошлым летом Элен посмотрела на DVD все серии «Сопрано». Или, может быть, Патрик страдал какой-то смертельной болезнью. Это было бы ужасно, но хотя бы не несло в себе личного оскорбления.

Но чем бы это ни оказалось, Элен была уверена: те солнечные чувства, которые радовали ее весь день, вот-вот растают.

Она сделала большой глоток вина и оглянулась, чтобы проверить, не возвращается ли Патрик из туалетной комнаты. Нет. Бог мой, да сколько уже времени он там? Может, просто ополоснул лицо холодной водой, а теперь стоит перед зеркалом и смотрит в глаза своему отражению, вцепившись в край раковины и тяжело дыша?

Или уже мчится куда-то, скрываясь от закона.

Дыхание Элен стало слегка неровным.

Переизбыток воображения может оказаться вреден.

Так написала в ее характеристике за седьмой класс учительница миссис Паско.

Элен огляделась по сторонам. Другие посетители ресторана были погружены в разговоры, приборы едва слышно звякали по тарелкам, время от времени раздавались не слишком громкие взрывы смеха. Никто не обращал внимания на женщину, сидевшую напротив пустого стула.

Не пора ли? Нужно ли это на самом деле? Да.

Элен выпрямилась, положила руки на колени, ладонями вниз. Она закрыла глаза и начала вдыхать воздух через нос, выдыхая через рот. При каждом вдохе она представляла, как ее тело наполняется мощным золотым светом. Этот свет давал ей энергию и силу. Этот свет наполнял ее ноги, живот, руки и наконец врвался в ее голову, и она уже видела лишь золотистое сияние, будто смотрела прямо на солнечный закат; на мгновение ей даже показалось, что она парит в нескольких сантиметрах над своим стулом.

Со мной все будет в порядке. Что бы он ни говорил, это не затронет мою сущность. Я справлюсь. На счет «три». Один... два...

Элен открыла глаза, освеженная и полная новой энергии. И снова огляделась. Никто не таращился на нее. Конечно, она понимала, что на самом деле не левитировала, не взлетала над стулом, сияя, как электрическая лампочка, но иногда эти ощущения были настолько потрясающими, настолько реальными, что Элен просто поверить не могла, что это так или иначе не проявилось физически, внешне.

Самогипноз был таким прекрасным инструментом! Она всегда узнавала, если кто-то из студентов или пациентов действительно его использовал. Они бывали прос-

то ошеломлены тем, чего способен достичь их ум. В тот день, когда к ней пришло ощущение левитации, Элен показалось, что она научилась летать! А ведь это бы решило проблему наркотиков, если бы удалось научить подростков самогипнозу.

Патрик все еще не вернулся. Элен посмотрела на тарелку с едой, стоявшую перед ней. Нет смысла позволить всему пропасть напрасно. Официант, скользивший мимо, остановился и заново наполнил ее бокал вином. Замечательное вино, замечательная рыба. Жаль, что у нее нет с собой какой-нибудь книги.

Элен принялась размышлять о прошедшем дне.

До того самого момента, когда Патрик вдруг отложил нож и вилку, все шло отлично. Даже безупречно.

Она прекрасно спала, не видя никаких снов, убаюканная ритмичным стуком дождя по крыше, и проснулась поздно, когда на ее лицо упал солнечный свет. Первым, что она увидела, открыв глаза, была ветка, которую она подвесила к потолку как напоминание о буддистской практике памятования¹. Она неторопливо сделала три глубоких вдоха, удерживая губы в полуулыбке.

Теперь ей хотелось, чтобы она никогда не упоминала об этой практике в разговоре со своей хорошей подругой Джулией, которая тут же попросила Элен продемонстрировать ее полуулыбку. Когда Элен все-таки это сделала, после долгих уговоров Джулии, та хохотала не меньше десяти минут.

¹ Существует давний спор о существовании в буддизме двух типов медитации: медитации памятования (она же медитация осознанности) и медитации сосредоточения. Элен очевидная поклонница именно «прямого пути», т. е. медитации памятования. Это полностью соответствует ее типу личности, ведь второй путь — это полная свобода, но при этом и огромный риск «заблудиться». — *Здесь и далее прим. перев.*

Встав с постели, Элен обнаружила, что в комнате прохладно, а оконные стекла на ощупь казались ледяными, однако новая система газового отопления, которую успели установить еще ее бабушка с дедушкой (спасибо счастливому лотерейному билету двоюродной бабушки Мэри!), быстро превратила ее дом в уютный кокон. Она съела на завтрак посыпанную коричневым сахаром овсянку, слушая при этом новости по Эй-би-си, вполне оптимистичные, хотя и противоречивые. Недавняя пандемия гриппа в конце концов оказалась вроде бы совсем не пандемией. Мать Элен, терапевт, с самого начала это утверждала. Пропавший малыш нашелся живым и невредимым. Недавнее убийство, якобы совершенное гангстерами, скорее всего, было результатом обычной семейной ссоры. Последний политический скандал утих. Движение на дорогах спокойное. Ветер ожидался юго-западный умеренный. Впервые мир выглядел вполне удобным местом.

После завтрака она заставила себя пробежаться вдоль пляжа и вернулась веселой и освеженной, слизывая с губ соль.

В этот день у Элен были назначены четыре встречи. Она провела последний сеанс с пациентом, который нуждался в помощи в преодолении страха перед полетами, чтобы быть в состоянии отвезти жену во Францию на рубиновый юбилей их совместной жизни. Уходя, он энергично пожал Элен руку и пообещал прислать ей открытку из Парижа. Потом она встретилась с двумя новыми пациентами, а она всегда наслаждалась встречами с этими пока еще незнакомыми людьми. Первой была женщина, страдавшая от непрерывной боли в ноге уже четыре года. Она посетила бесчисленное множество докторов, физиотерапевтов и хиропрактиков, но никто не сумел ей помочь. Второй новенькой оказалась дама, ко-

торая пообещала жениху, что бросит курить ко дню их свадьбы. Оба сеанса прошли вполне успешно.

Последней в этот день пациенткой была особа, которая, пожалуй, не войдет в список ее побед. Элен так и не удалось по-настоящему выяснить, чего Мэри-Бет на самом деле ждала от гипнотерапии, причем та отказывалась обращаться к кому-либо еще и настаивала на продолжении лечения. Элен решила сегодня не применять чего-то сложного, а просто устроить Мэри-Бет легкий сеанс релаксации. Она называла это массажем души. В итоге Мэри-Бет заявила, что ее душа чувствует себя без изменений, благодарю вас, но такова уж была Мэри-Бет.

После того как Мэри-Бет тяжелой походкой отправилась восвояси, Элен как следует прибралась в доме, продуманно оставив некоторые вещи лежать немножко не на своих местах, чтобы все выглядело так, будто она никакой особой уборкой не занималась, а всегда была достаточно аккуратной.

Потом она немного поразмышляла над тем, не снять ли ей некоторые цитаты из буддистских текстов, что висели по всему дому на бледно-фиолетовых листках. Ее бывший парень Джон обычно насмехался над ними: стоя возле ее холодильника, он читал эти короткие тексты писклявым голосом. Но сокрытие своего истинного «я» ведь не есть удачный путь для начала нового романа, разве не так?

Еще Элен застелила кровать недавно купленными и самыми нарядными простынями. Возможно, пришла пора лечь с ним в постель. Ох да, немножко цинично, но об этом думаешь, когда ходишь на свидания в возрасте слегка за тридцать. Им ведь не по шестнадцать лет. Они не религиозны. Да и познакомились через Интернет, на сайте знакомств. Так что все было предельно ясно с самого начала. Оба искали долговременных отношений и сразу об этом заявили.

Пока они лишь несколько раз поцеловались, причем весьма неплохо. Теперь же настало время секса. Элен жила в целомудрии уже почти год, а она любила секс. Это удивляло некоторых мужчин, которые, похоже, поначалу видели в ней нечто неземное, бесплотно-нежное, хотя Элен вовсе таковой не была, но она ничего не имела против и всегда немножко актерствовала. Возможно, это и было ошибкой?

А еще она любила фильмы ужасов, и кофе, и бифштексы, не слишком прожаренные. Многие были уверены в том, что Элен — вегетарианка. На самом деле ей бы и следовало быть травоядной. Кое-кто заходил так далеко, что готовил для нее специальные блюда на приемах с ужином, а потом эти люди еще и заявляли, что прекрасно помнят, как она говорила, будто не ест мяса.

Элен не стала спешить, готовясь к вечеру: она долго сидела в горячей ванне со стаканчиком вина, включив один из альбомов «Violent Femmes». Тяжелые музыкальные аккорды и резкие голоса представляли собой ошеломительный контраст мягкой ритмичной музыке для релаксации, которая звучала у Элен весь день, — и это было похоже на то, как если бы она опрокинула себе на голову ведро ледяной воды. «Violent Femmes» напомнили ей о том времени, когда она была подростком и ее переполняли гормоны и надежды. Когда Патрик постучался в парадную дверь ее дома, Элен уже пришла в удивительно хорошее настроение, хотя в ее уме то и дело мелькало: «Должно быть, все идет к краху».

Но Элен отмела эту идею. И вот теперь... *Я должен кое-что тебе сказать.*

Она отложила вилку. Куда он пропал? Один из официантов бросил на нее осторожный взгляд, явно прикидывая, не следует ли предложить даме какую-то помощь.

Элен посмотрела на полупустую тарелку Патрика. Мужчина заказал свиную грудинку. Странный выбор, но

Элен еще недостаточно хорошо знала Патрика, чтобы поддразнить его на этот счет. Свиная грудинка! Звучало просто отвратительно, а теперь и выглядело как большой кусок застывшего холодного жира.

Если Патрик из тех, кто постоянно заказывает вот такую еду, забивающую артерии, то, возможно, он свалился в туалете с сердечным приступом? Может, ей следует попросить официанта пойти и проверить? А что, если свиная грудинка просто не захотела остаться в его желудке? Он ведь был заметно подавлен. Ну, она и сама была бы подавлена в схожих обстоятельствах. Хотя мужчины обычно все воспринимают намного проще.

Нет, она слишком стара для таких вот волнений на свиданиях. Ей бы следовало сидеть дома, печь пирожки, или что там делают родители первоклассников по вечерам?

Элен снова посмотрела в сторону туалетных комнат и наконец увидела Патрика, направляющегося к ней. Он выглядел потрясенным, как будто только что пережил небольшую автомобильную аварию, но в его глазах Элен увидела и выражение типа «игра окончена». Словно его поймали в момент ограбления банка и он выходил на улицу, подняв руки над головой.

Патрик сел напротив и положил на колено салфетку. Взял вилку и нож, посмотрел на свиную грудинку, вздохнул и снова отложил прибор.

— Ты, наверное, решила, что я чокнутый, — начал он.

— Ну, я в общем удивлена! — преувеличенно бодро ответила Элен.

— Я надеялся, что мне не придется рассказывать тебе об этом, пока мы не... но потом осознал, что просто должен объяснить тебе все именно сегодня.

— Ты не торопись. — Теперь Элен говорила спокойным, слегка напевным голосом, каким она разговаривала с клиентами. — Уверена, я справлюсь... что бы это ни было.

— Да ничего плохого! — поспешил заявить Патрик. — Только куда более затруднительно... неудобно, чем что-либо другое. Это просто... Ладно, я соберусь с духом и все скажу. — Он помолчал и глуповато усмехнулся. — У меня есть преследователь.

В первое мгновение Элен даже не поняла, что он имеет в виду. Как будто английский стал для нее иностранным и ей необходимо было перевести услышанное слово.

У меня есть преследователь.

— Кто-то тебя преследует? — наконец переспросила она.

— Да, последние три года. Моя бывшая подруга. Иногда исчезает на какое-то время, но потом снова возвращается с жадной мести.

Элен ощутила восхитительную волну облегчения. Теперь, когда она поняла, что от нее не отказываются, вдруг стало ясно, насколько ей на самом деле нравится Патрик, как сильно она надеялась, что все получится. Даже позволила пронестись в своих мыслях словам: «Я могла бы влюбиться в него», когда накладывала косметику. И причиной потрясающе хорошего настроения в этот день была не погода, и не овсянка, и не новости. Причина в Патрике.

Бывшая подруга, которая его преследует? Отлично!

Это было воистину интересно.

Хотя, с другой стороны, преследование...

Она-то повидала немало писем, составленных из вырезанных из журналов и газет букв. Посланий, написанных кровью на стенах. Чокнутых фанатов, сидящих перед домами знаменитостей. Обезумевших бывших мужей, стреляющих в своих жен.

Но кто станет преследовать геодезиста? Даже если у него удивительно милый подбородок.

— Ладно, но что ты имеешь в виду под преследованием? Что именно она делает? Нападает на тебя?

— Нет. — Патрик выглядел так, словно ему предстояло против собственного желания ответить на ряд весьма интимных медицинских вопросов. — Никакого физического насилия. Просто время от времени она начинает кричать. Позволяет себе грубые оскорбления. Может позвонить по телефону посреди ночи, посылает письма, электронные сообщения, но чаще всего просто держится поблизости. Куда бы я ни пошел, она уже там.

— Ты хочешь сказать, она ходит за тобой следом?

— Да. Везде.

— Ох, боже мой, должно быть, для тебя это просто ужасно! — Элен снова превратилась в благоразумную леди. — А ты обращался в полицию?

Патрик поморщился, как при неловком и неприятном воспоминании:

— Да. Один раз. Я поговорил с женщиной-офицером. Не знаю, поверила ли. Она давала мне разные правильные советы, я же просто чувствовал себя идиотом, даже мерзавцем. Она предложила мне вести дневник преследования, отмечать все. Я так и сделал. И еще объяснила про запретительный ордер. Я об этом призадумался, но когда сказал своей бывшей, что ходил в полицию, она заявила: если я буду продолжать в том же духе, она сообщит, что это я надоедаю ей, что я ее ударил. Ну, понимаешь, я ведь мужчина, так кому они поверят? Конечно же ей. И я все это бросил. Надеюсь, она отстанет. Но вот уже сколько времени прошло... Поверить не могу, что все это тянется так долго.

— Это должно быть...

Элен хотела сказать «пугающим», но такое слово могло оскорбить Патрика; Элен была уверена, что мужское самолюбие такое же хрупкое, как яичная скорлупа. И вме-

сто того она сказала «напряженным». И при этом не смогла полностью скрыть радость, прорвавшуюся в ее голос.

— Поначалу я всерьез думал, что это касается только меня, — продолжил Патрик. — И постепенно даже смирился. Ну, всякое ведь бывает в жизни, так уж получилось, однако это затрудняет новые отношения. Некоторые женщины сразу очень пугаются. Другие поначалу говорят, что все в порядке, ничего страшного, но потом оказывается, что им это не под силу.

— Я справлюсь, — быстро сказала Элен, будто проходила собеседование с целью получить работу и делала вид, что не боится трудностей.

К тому же история с бывшей подругой сразу вызвала у нее профессиональное желание доказать, что она сама гораздо лучше и сильнее.

Элен в волнении отпила вина. Она ведь только что выложила карты на стол. По сути, она сообщила Патрику: «Я хочу с тобой долгих отношений».

Она хмурилась, глядя в бокал с вином, словно собиралась пренебрежительно высказаться о качестве напитка, а когда наконец подняла взгляд, Патрик смотрел на нее с улыбкой. Это была широкая улыбка чистого удовольствия, от которой возле его глаз собрались морщинки. Он потянулся через стол и взял Элен за руку:

— Я очень надеюсь, что ты сможешь, поскольку я действительно чувствую, что все хорошо. Я имею в виду, между нами. В смысле будущего.

— Наши будущие возможности, — повторила Элен, смакуя каждое слово и наслаждаясь его прикосновением.

Какая все это чушь — что женщина за тридцать уже слишком изнурена прошлым и клинически неспособна на светлые отношения! От прикосновения руки Патрика в кровь Элен выплеснулись эндорфины. Она знала все о науке любви и о том, как в ее мозгу образуется «биохимия любви» — норэпинефрин, серотонин и дофамин, —

но это совершенно не значило, что она не воспринимала и многое другое.

Итак, теперь все ее карты на столе.

— А что заставило тебя заговорить об этом сегодня? — спросила Элен. Большой палец Патрика описывал круги по ее ладони. Сорока-воровка кашу варила, деток кормила... — О твоей преследовательнице?

Палец Патрика замер.

— Я ее видел, — после паузы бросил он.

— Ты ее видел?! — Взгляд Элен стремительно бежал зал ресторана. — Хочешь сказать — здесь?

— Сидела за столиком у окна. — Патрик качнул головой, подбородком указывая куда-то за плечо Элен. Та хотела обернуться и посмотреть, но Патрик добавил: — Не беспокойся. Она уже ушла.

— Но что она делала? Просто... наблюдала за нами?

Элен отметила, как бешено заколотилось ее сердце. Она не была уверена в том, что чувствует в данный момент: испуг? Может быть, легкое возбуждение?

— Набирала сообщение на телефоне, — устало ответил Патрик.

— Сообщение тебе?

— Может быть. Я выключил мобильник.

— Хочешь проверить, что она написала?

Элен самой этого хотелось.

— Не особенно, — признался Патрик. — То есть, вообще-то, совсем не хочу.

— А когда она ушла?

Если бы Элен узнала обо всем раньше, то могла бы увидеть ту женщину.

— Когда я пошел в туалетную комнату, она отправилась за мной. Мы обменялись парой слов в коридоре. Потому-то меня и не было так долго. Она сказала, что сейчас уйдет, и действительно исчезла, слава богу.